

Научная статья
УДК 811.161.1

КОГНИТИВНЫЕ МОДЕЛИ И МЕХАНИЗМЫ РУССКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ДИСКУРСА АРГУМЕНТАТИВНОГО ТИПА

Любовь Валентиновна Воронина

Рязанский филиал Московского университета МВД России имени В. Я. Кикотя,
Рязань, Россия, lv-voronina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4333-6685

Аннотация. В центре внимания автора статьи находится когнитивный аспект развертывания диалогически ориентированного юридического дискурса. Исходная коммуникативная интенция авторского текста признается дискретной и на ее основе выделяется комплекс частных интенций, провоцирующих выбор когнитивной модели и обеспечивающих ее механизмы. Цель научной статьи – посредством дискурсивно-когнитивного анализа установить специфику развертывания аргументативного юридического дискурса. На основе языкового материала, полученного методом сплошной выборки из публичных выступлений современных юристов, исследуется специфика организации аргументативного дискурса по принципам сайкулярной, аксиологической, апеллятивной, гипотетической, фактологической когнитивных моделей, в том числе их компиляции; описываются способы отрицания как инструмента персуазивности в его эксплицитной форме, включая прямое и мнимое отрицание, элементы дискурсивно-коммуникативных практик, а также имплицитур; приводится классификация когнитивных механизмов суперструктуры персуазивности с точки зрения их функционала и характера манипуляции с информацией о референте. Особое внимание обращено на когнитивные механизмы аддирования и инференции в их реализации в аргументативном юридическом дискурсе.

Ключевые слова: юридический дискурс, речевое взаимодействие, процесс коммуникации, языковой материал, публичное выступление.

Для цитирования: Воронина Л. В. Когнитивные модели и механизмы русского юридического дискурса аргументативного типа // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2023. № 3 (101). С. 138–145.

Original article

COGNITIVE MODELS AND MECHANISMS OF RUSSIAN LEGAL DISCOURSE OF ARGUMENTATIVE TYPE

Lyubov V. Voronina

Ryazan Branch of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after
V. Y. Kikot, Ryazan, Russia, lv-voronina@mail.ru, ORCID: 0000-0002-4333-6685

Abstract. The author of the article focuses on the cognitive aspect of the deployment of dialogically oriented legal discourse. The initial communicative intention of the author's text is recognized as discrete, and on its basis a set of private intentions is singled out that determine the choice of a cognitive model and its mechanisms. The object of the article is to establish the specifics of the argumentative legal discourse through discourse-cognitive analysis. Based on the linguistic material obtained by continuous sampling from public speeches of modern lawyers, the specifics of the organization of argumentative discourse according to the principles of circular, axiological, appellative, hypothetical, factual cognitive models, including their compilation, are studied; the methods of negation as a tool of persuasiveness in its explicit form, including direct and im-

© Воронина Л. В., 2023

aginary negation, elements of discourse and communication practices, as well as implicature are described; a classification of the cognitive mechanisms of the persuasiveness superstructure is given in terms of their functionality and the nature of manipulation with information about the referent. Particular attention is paid to the cognitive mechanisms of adding and inference in their implementation in the argumentative legal discourse.

Keywords: legal discourse, speech interaction, communication process, language material, public speaking.

For citation: Voronina L. V. Cognitive models and mechanisms of Russian legal discourse of argumentative type // Bulletin of Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 3 (101). P. 138–145. (In Russ.)

Диалогически ориентированный юридический дискурс аргументативного типа представляет собой речевое взаимодействие субъектов по поводу спорного положения, организованное по принципу суперструктуры персуазивности, предполагающей убедительность в процессе доказывания и направленной на трансформацию имеющихся знаний, изменение их интерпретации [1, с. 134]. В основе такого взаимодействия известный принцип уголовного судопроизводства современной России – принцип состязательности, который в свою очередь обеспечивает в качестве движущей силы спор [2] и определяет таким образом институциональный характер юридического дискурса и его типологическое и жанровое разнообразие.

Дискурс аргументативного типа, особенно если он реализуется в юридическом коммуникативном пространстве, представляет собой систему дискурсивных связей, нацеленных на достижение известной цели – утверждение позиции субъекта речи, и предполагает осуществление особого, дискурсивно-когнитивного взаимодействия между собеседниками. В его основе следующие способы развертывания мысли:

- 1) модели отрицания;
- 2) модели убеждения;
- 3) модели оценивания.

Утверждая невиновность или настаивая на переквалификации уголовного дела,

субъект речи неизбежно перемещается в плоскость отрицания, которое выступает мощнейшим инструментом доказывания – опровержения исходного тезиса, или коммуникативной обороны.

В защитной речи адвоката отрицание принимает самые разнообразные формы: от эксплицитной до имплицитной. В первом случае отрицаться может сам факт действия: **В деле нет никаких объективных свидетельств того, что машина потерпевшего получила в результате происшествия вообще какие-либо повреждения... В деле нет никаких доказательств того, что «Вольво» был в серьезном ремонте**¹.

Специальными дискурсивными средствами может подчеркиваться дистанцированность от события, сомнения в факте совершенного действия, которые имеют признак градуированности: *Из этих документов, на которые я уже ссылался, усматривается, что после того, как Шемберг якобы окликнул Миронова, последний побежал к нему, а Шемберг, реализуя свой умысел на причинение смерти Миронову, произвел выстрел ему в грудь из служебного карабина*²; *В экспертизе написано, что на «Опеле» к моменту экспертизы не хватало одного из колес (л.д. 79). Могло именно это колесо взорваться на ходу? Так бывает? Бывает. Можно сомневаться, что тут так именно и было. Но теоретически такое весьма возможно*³.

¹ Речь по делу о групповом разбое // Адвокатская контора Алексея Куприянова: сайт. URL: <https://www.kupriyanov.info/speeches/razboi> (дата обращения: 11.01.2023) (далее – P-1).

² Судебные речи современных прокуроров и адвокатов Красноярского края // Бесплатная онлайн библиотека Lib.Ink. URL: <https://inlib.biz/finansovoe-pravo-rossii/sudebnyie-rechi-sovremennyih-prokurorov-26566.html> (дата обращения: 11.01.2023) (далее – P-2).

³ ДТП на Дмитровском шоссе // Адвокатская контора Алексея Куприянова: сайт. URL: <https://www.kupriyanov.info/speeches/dtp-dmitrovskoe> (дата обращения: 11.01.2023) (далее – P-3).

Для смягчения категоричности обвинения субъект речи может прибегать к эвфемизмам, некоторого рода реверсиям: *Неизбежно придет осознание того, что именно она приложила все возможные усилия и средства к наказанию человека, который является такой же жертвой несчастного случая, как и ее близкие* (Р-3); использовать имплицатуры отрицания: *Приймак в судебном заседании показал, что в этот день он со знакомыми выпил три бутылки водки на троих, и непонятно, как он мог что-то помнить* (Р-2) – (утверждение: субъект ничего не помнил).

В целом мнимые сомнения, утверждения, извинения и прочие мнимые интенции субъекта речи – достаточно частотные явления в юридическом дискурсе аргументативного типа: они образуют корпус стратегических средств риторического убеждения.

По справедливому замечанию Т. ван Дейка, отрицания всегда требуют более серьезной аргументации [3, с. 186], потому аргументативный дискурс в своей глобальной перспективе разворачивается на основе когнитивных моделей убеждения. А. А. Тертычный выделяет 4 базовых модели: предписательную, гипотетическую, фактологическую, аксиологическую [4]. И. Д. Романова в своем обзоре добавляет к ним ассоциативную, полагая, что имеет значение материал исследования [5, с. 209]. Мы предполагаем существование еще 2 моделей: сайкулярной и апеллятивной, выделяемых нами на основе способов построения утверждения и аргументации. Итак, опираясь на 7 моделей, сделаем попытку оценить способы разворачивания юридического дискурса.

Очевидно, что исходным коммуникативным намерением субъекта речи юридического дискурса (будь то государственный обвинитель или адвокат) выступает убеждение аудитории в виновности или невиновности некоего лица. Исходная интенция дискретна: она включает систему частных коммуникативных намерений относительно ряда отрезков дискурса: опровергнуть, перекалифицировать, сообщить оценку и проч., – которые, интегрируясь в общую дискурсив-

ную ткань, укладываются в более сложные модификации когнитивных моделей разворачивания дискурса.

Безусловно, максимально частотной представляется фактологическая модель. Она может иметь разные реализации в дискурсе в зависимости от концентрации фактов-аргументов, которые могут быть разбросаны в пределах дискурсивного отрезка или сосредоточены в одном высказывании: *Оснований не доверять показаниям Ишкабулова нет. Его показания подтверждаются протоколом осмотра места происшествия, протоколом осмотра трупа, заключением судебно-медицинской экспертизы* (Р-2).

В пределах глобальной структуры дискурса суперструктура персуазивности получает свои реализации, как правило, в компиляции нескольких моделей, при очевидном доминировании одной из них. Например:

– аксиологическая + фактологическая: *Иванов, как и другие ребята, в суде был честен и, как мог, доказывал степень своей причастности или непричастности к тому или другому эпизоду. Ваша честь! Обращаю ваше внимание на то, что по первому эпизоду, не перекладывая ни на кого ответственность, он открыто пояснил: «Я предложил совершить ограбление павильона «Домовенок», так как всем хотелось иметь такие пистолеты»* – оценка + свидетельство;

– фактологическая + аксиологическая + сайкулярная: *Доказательством вины Старовойтова являются показания Ишкабулова. Его показания детальные, стабильные. Ишкабулов подтвердил, что умысел на изнасилование и убийство возник до того, как они пришли в подвал дома – свидетельство + оценка + повтор.*

Когнитивная модель гипотетичности традиционно реализуется через установление зависимости некоего предполагаемого результата от ряда условий: *Данные следственного эксперимента также подтверждают это: если бы Миронов в момент нападения на Шемберга продолжил свое движение не приседая и не наклоняясь, то ранение ему было бы причинено в другое ме-*

сто (P-2) – «желаемым» результатом выступает ранение в ногу, условиями – движение без приседаний и наклонов (доказывается непредумышленный характер ранения в грудь).

Обратная гипотетичность имеет место, когда обозначены все необходимые условия для достижения предполагаемого, по мнению государственного обвинителя, результата, но он оказывается иным в силу утверждений стороны защиты: *Если угроза «завалить» Миронова у Шемберга была реальной, то более подходящего момента для ее осуществления нельзя было и придумать. Шемберг с самого начала видел, как Мионов разбил стекло и ворвался в проходную. В этой ситуации Шемберг для реализации своей угрозы должен был последовать навстречу Миронову и произвести в него выстрел* (P-2) – описываемые действия ирреальны: так должен был бы действовать агент в предлагаемых условиях, но характер его действий прямо противоположный – конструкции с обратной целью подчеркивают противоречивость ситуации: **Вместо того чтобы двигаться к Миронову и претворить свой замысел в реальность, Шемберг поступает с точностью до наоборот. На расстоянии 3 м 49 см (данные из протокола проверки показаний Шемберга на месте) Шемберг произвел предупредительный выстрел вверх. Этих предупредительных мер вполне было бы достаточно для того, чтобы любой разумный человек остановился как вкопанный или упал на землю** (P-2).

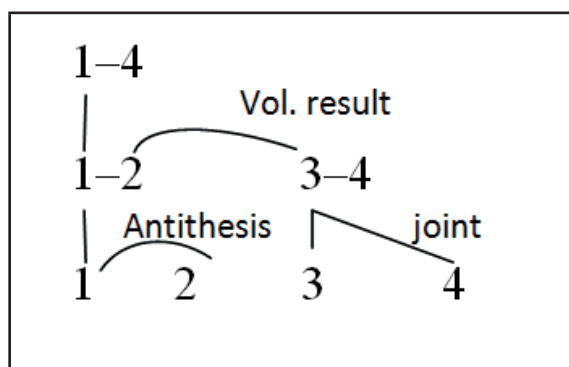

Рис. – Риторический граф дискурсивного отрезка
Fig. – Rhetorical graph of a discursive segment

Апеллятивная модель, выделяемая нами на основании способа аргументирования – апелляции к причинно-следственным связям, высвечивает мотивационный аспект события. Риторический граф подчеркивает обоснованность выделения апеллятивной модели развертывания дискурса (рисунок смоделирован на основании Теории риторических структур W. C. Mann & S. A. Thompson [6]).

Очевидно, что риторические отношения (Antithesis), выступающие типом интенциональных (Presentational), подчеркивают коммуникативную значимость второго уровня отношения противопоставления в данном фрагменте дискурса: иерархически более высокими выступают риторические связи волитивного результата – именно они выдвигаются на первый план. В общей структуре дискурсивного отрезка выделяются отношения соединения между 3 и 4 дискурсивными единицами, которые по своей сути логическими не являются.

Полагаем, самой сильной выступает именно фактологическая модель: даже при использовании других частотны ссылки к фактам, показаниям и проч.

По меткому замечанию Е. С. Кубряковой, «дискурс – это событие, прежде всего, когнитивное» [7, с. 10], и в основе когнитивных моделей его развертывания лежит вполне определенный инструментарий – когнитивные механизмы, обеспечивающие развертывание и компиляции моделей.

1) Казалось бы, взрослые, образованные люди <...> в состоянии сами разрешить те проблемы, которые между ними возникают...

2) Но накал конфликтных страстей и обид со стороны ответчика таков, что вести с ним спокойный и резонный диалог истице невозможно.

3) Поэтому мы просим суд разобраться в сложившейся ситуации

4) и закрепить за истицей ее права с помощью решения судебного органа.

Вслед за Н. Н. Болдыревым, под когнитивными механизмами мы понимаем «тот или иной способ выделения и репрезентации конкретных характеристик концепта» [1, с. 132]. Условно их следует разделить на две группы. В первую должны быть включены механизмы, обеспечивающие коммуникацию, вхождение адресата речи под нужным углом в ситуацию речевого взаимодействия. Это тот самый «софт», целесообразность которого определяется комплексом частных интенций говорящего:

– подчеркнуть ответственность судьи / присяжных заседателей в выборе наказания + сделать снисхождение к возрасту подсудимого: *Сегодня, как и всегда; как каждый раз, когда перед Вами в этой клетке сидят хмурые, измученные многомесячным следствием люди, Вам предстоит определить их дальнейшую участь; их удел по крайней мере на ближайшие годы (P-1);*

– акцентировать обоюдную трагичность события: *Сегодня мы с Вами рассматриваем случай редкий по своей трагической популярности (P-3);*

– опровергнуть позицию оппонента: *Слушая речь прокурора, я невольно ловил себя на назойливой мысли: «Ладно б было, кабы так»!¹;*

– разобраться в ситуации: *Поэтому мы просим суд разобраться в сложившейся ситуации и закрепить за истицей ее права с помощью решения судебного органа (P-2);*

– обозначить проблему и наметить пути решения: *В зале судебного заседания мы убедились, что существует проблема воспитания, бродяжничества и попрошайничества. На основании этого совершаются преступления (P-2).*

Так или иначе, но когнитивные механизмы, психологические по своей сути, с разной степенью интенсивности воздействуют на адресата, апеллируют либо к его личным качествам, либо профессиональному статусу, позволяющему решить или вмешаться в решение важнейших социальных задач,

снимают возможное предубеждение, то есть так или иначе содействуют расположению к себе собеседника, обеспечивают его внимание в нужном русле.

Вторая категория когнитивных механизмов ориентирована на речевое воздействие, убеждение адресата. В их основе стратегические действия, направленные на манипулирование вниманием адресата, восприятием и интерпретацией информации. Если следовать мысли О. В. Куликовой, то их деление на две группы – ассоциативные и диссоциативные [8, с. 29] – обусловлено характером взаимодействия двух ситуаций в направлении установления связей – ассоциативные когнитивные механизмы – и, напротив, их разобщение – диссоциативные когнитивные механизмы.

К числу первых относим:

1) каузацию: *Для меня бесспорным остается одно: Шемберг уступал Миронову в физическом развитии и **поэтому испытывал страх** перед возможным поединком. В течение не менее 30 минут Шембергу удавалось избегать непосредственного единоборства с Мироновым... (P-2);*

2) конкретизацию: *Почерк боксера в действиях Миронова виден уже в том, что на последних 2–3 м от Шемберга он действовал не прямолинейно, а, как говорят спортсмены, **финтами**. По показаниям Шемберга, Миронов сначала **сделал выпад вправо, затем резко переместился влево, при этом одновременно присел и пригнулся, выбросив вперед левую руку, а правую сжав в кулак** (P-2);*

3) генерализацию: *Конечно, Сидоров не разбойник и не бандит. Это, думаю, тут всем ясно (P-1);*

4) оценку: *Такой оправдательный приговор, который вынесен по этому делу, можно встретить в нашей судебной практике чрезвычайно редко. Его можно рассматривать в качестве образца законного и обоснованного судебного решения. Главным его достоинством является особая тщатель-*

¹ Речи адвоката Юрия Новолодского // Адвокатская палата Московской области: URL: <https://arpo.ru/upload/iblock/deb/deb30e4adf1b0e4779ae5aee7abfec78.pdf> (дата обращения: 11.01.2023) (далее – P-4).

ность судебной проверки доказательственного материала, представляемого суду стороной обвинения. Это тщательность оправдала себя. Обвинительный «колосс оказался на глиняных ногах», судебной проверки не выдержал, завалился и обратился в прах (Р-4, с. 55–56);

5) дублирование (противостоит редукции пропозиции): *При этом Савельев всегда сохранял прописку в квартире своей матери по ул. Декабристов и никогда не был прописан в спорной квартире (Р-2); И так, все вышесказанное неопровержимо доказывает, что Ответчик, начиная с 199- года, не работал, не содержал семью и собственных детей, в нарушение действующего законодательства¹;*

6) активизация: *Миронов, повторяю, по образованию был юристом и поэтому прекрасно понимал, что его действия являются неправомерными и чрезвычайно опасными прежде всего для него самого (Р-2).*

Отдельно остановимся на когнитивных механизмах инференции и аддирования.

Когнитивный механизм инференции представляет собой «получение выводных данных и само выводное данное» [9]. Этот когнитивный механизм домысливания, выведения нового знания из исходного – частотный в дискурсивных практиках юристов – следует квалифицировать как пример ассоциативных когнитивных механизмов. Инференция, по нашим наблюдениям, имеет два направления: прямое – приведение некоего умозаключения на основании конкретного посыла: *Для реализации своих угроз Миронов принимал активные меры: он хотел добраться до Шемберга и подвергнуть его по меньшей мере физическому избиению (Р-2).* Обратное направление инференции создается как ответная реакция на нецелесообразные действия субъекта: *Другого вывода здесь быть не может, так как, чтобы только ссориться, Миронову вовсе не обязательно было проникать туда, где находился Шемберг (Р-2).*

По мнению А. В. Чернышова, общая когнитивная специфика юридического дискурса заключается в «примате фактов над ценностями» [10], именно это приводит к жизни инференции, не имеющей ничего общего с логикой: *На следственном эксперименте Артемьев заявил, что он не помнит, что случилось в квартире потерпевшего; значит, его там не было (Р-2).*

Аддирование – когнитивный механизм, предполагающий присоединение некоей дополнительной информации к исходной. В традиционных контекстах добавочная информация об исходной ситуации служит ее продвижению (например, рекламный дискурс), но в юридическом общении аддирование вместе с редукцией пропозиции и при ее последующей замене на эксплицитный аддированный фрагмент выполняет функции манипулятивной установки.

Обычно типичных языковых средств оказывается достаточно, чтобы запустить механизм аддирования, даже в тех многочисленных случаях, когда добавочная информация выступает нелогическим продолжением или даже противоречит исходной информации (см. рисунок, дискурсивные единицы 3 и 4 в риторических отношениях соединения). Сравните, например, собственно аддирование, имеющее в своей основе логико-смысловые причинно-следственные связи: *К месту совершения преступления он пошел из любопытства, посмотреть, как все пройдет (Р-2) – обстоятельственный актант из любопытства подкрепляется конструкцией посмотреть, как все пройдет – и добавочной конструкцией, оформленной как присоединительной, но таковой не являющейся: Поэтому мы просим суд разобраться в сложившейся ситуации и закрепить за истицей ее права с помощью решения судебного органа (Р-2) – после глагола разобраться логичным продолжением было бы сделать правильный выбор, принять верное решение, но данные пропозиции оказываются опущенными, и их место занимает алогичное про-*

¹ Дело о лишении родительских прав // Адвокатская контора Федора Куприянова. URL: <https://kupriyanov.org/iz-advokatskoj-praktiki/132-delo-o-lishenie-roditelnykh-prav.html> (дата обращения: 11.01.2023).

должение. То же в следующем предложении: *Правосудие – это суд по праву, правый суд, основанный только на законе. И я надеюсь, господа присяжные заседатели, что вы вынесете оправдательный вердикт.* Следует ли усматривать в подобных структурах модель редукции дискурса в направлении опущения пропозиции как несущественной, «не служащей условием интерпретации» [11, с. 39], или считать ее пропуск намеренным для достижения поставленной цели манипулирования восприятием информации? Полагаем, что верным является второе: юридический дискурс пестрит подобными пропозитивными опущениями, имеющими эффект установки на оправдательный вердикт (правосудие = оправдание).

В числе диссоциативных выступает противопоставление. Часто оно осуществляется на уровне номинации того или иного объекта или события. Например, замена термина «группа» на «компания», с тем, чтобы не было устойчивой аналогии на совершение преступления в составе организованной группы: *С первого дня задержания, с первых допросов ни Иванов, ни другие участники группы, или, как называли ребята, из этой «компании», не говорили о подобном*

формировании. Каждый подробно пояснял цель формирования этой группы, причины их объединения и т. д. (Р-2).

Итак, дискурс юристов диалогически ориентированного характера предполагает речевое взаимодействие в направлении манипулирования и как вид аргументативного дискурса связан с воздействием на предмет утверждения собственной позиции. Прибегая к методам аргументации, субъект речи выбирает максимально приемлемую в данной ситуации общения модель – фактологическую. Безусловно, и ассоциативная, и предписательная, и сайкулярная и казуативная модели выступают востребованными, но их частотность в сравнении с фактологической менее значительна. Активизация в юридических речевых практиках фактологической модели обусловлена институциональными характеристиками дискурса юристов, предполагающими коммуникацию исключительно в правовом поле, с опорой на серьезную доказательную базу, в отличие, например, от аксиологической модели с ее ярко выраженным субъективным началом и оценочностью или гипотетическую, перемещающую объект юридических споров в ирреальную модальность.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Болдырев Н. Н., Григорьева В. С. Доминантный принцип и интегративность формата речевого взаимодействия в диалогическом дискурсе. Тамбов: Принт-Сервис, 2020. 328 с.
2. Нестерова А. М. Состязательность сторон как принцип уголовного судопроизводства в РФ // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 7-2. С. 50–52.
3. Т. ван Дейк. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
4. Тертычный А. А. Модели аргументации в современных медиатекстах // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2016. № 6. С. 46–69.
5. Романова И. Д. Когнитивные модели убеждения как основа механизма персуазивного воздействия в исследовании институционального дискурса (на материале английского языка) // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2020. № 11. С. 207–216.
6. Mann W. C, Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: a Theory of Text Organisation. 1987. 82 p.
7. Кубрякова Е. С. Об исследованиях дискурса в современной лингвистике // Филология и культура. Тамбов: ТГУ им. Г.Р. Державина, 2001.
8. Куликова О. В. Лингвопрагматические основания теории аргументации (на материале английского языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М.: МГЛУ, 2011. 59 с.
9. Жеребило Т. В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2005. 376 с.
10. Чернышов А. В. Юридический дискурс и его основные характеристики // Слово. ру. Балтийский акцент. 2016. № 2. С. 22–28.

11. Т. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГУ имени И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

REFERENCES

1. Boldyrev N. N., Grigorieva V. S. Dominant principle and integrativity of the format of speech interaction in dialogic discourse. Tambov: Print Service, 2020. 328 p. (In Russ.)
2. Nesterova A. M. Competitiveness of the parties as a principle of criminal proceedings in the Russian Federation // Actual problems of the humanities and natural sciences. 2017. No. 7-2. P. 50–52. (In Russ.)
3. T. van Dijk. Discourse and power: representation of dominance in language and communication. M.: LIBROKOM, 2013. 344 p. (In Russ.)
4. Tertychny A. A. Models of argumentation in modern media texts // Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism. 2016. No. 6. P. 46–69. (In Russ.)
5. Romanova I. D. Cognitive models of persuasion as the basis of the mechanism of persuasive influence in the study of institutional discourse (on the material of the English language) // Bulletin of Moscow State Linguistic University. 2020. No. 11. P. 207–216. (In Russ.)
6. Mann W. C, Thompson S. A. Rhetorical Structure Theory: a Theory of Text Organization. 1987. 82 p.
7. Kubryakova E. S. On the research of discourse in modern linguistics // Philology and culture. Tambov: TSU named after. G. R. Derzhavin, 2001. (In Russ.)
8. Kulikova O. V. Linguo-pragmatic foundations of the theory of argumentation (on the material of the English language): author. dis. ... Dr. of Philology. M.: MGLU, 2011. 59 p. (In Russ.)
9. Zhrebilo T.V. Dictionary of linguistic terms. Nazran: Pilgrim, 2005. 376 p. (In Russ.)
10. Chernyshov A. V. Legal discourse and its main characteristics // Slovo. RU. Baltic accent. 2016. No. 2. P. 22–28. (In Russ.)
11. T. van Dyck T. Language. Cognition. Communication. Blagoveshchensk: BSU named after I. A. Baudouin de Courtenay, 2000. 308 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. В. Воронина, кандидат филологических наук, доцент.

Information about the author:

L. V. Voronina, Candidate of Philology, Associate Professor.

Статья поступила в редакцию 12.01.2023; одобрена после рецензирования 03.07.2023; принята к публикации 15.09.2023.

The article was submitted 12.01.2023; approved after reviewing 03.07.2023; accepted for publication 15.09.2023.